
ОБЗОРЪ РУССКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ.

Русскіе философскіе журналы за 1900 -й годъ („Вопросы философіи и психологіи“, кнн. 51 — 55 и „Вѣра и разумъ“, №№ 1—24).

Спеціально-философское журнальное дѣло въ Россіи.—Краткая характеристика „Вопросовъ философіи и психологіи“ и „Вѣры и разума“.—Группировка статей въ „Вопросахъ философіи и психологіи“.—Статья г. Лапина о трусости въ мышленіи.—Статьи объ умершихъ русскихъ философахъ, Н. Я. Гротъ, М. М. Троицкомъ и В. П. Преображенскомъ.—Статья г. Новгородцева объ историческомъ и философскомъ изученіи идей.—Г. Иванцовъ о Лейбницѣ.—Замѣчаніе о психологическихъ статьяхъ.—Защита метафизики, какъ науки, Б. Н. Чичеринымъ.—Статья проф. Лопатина о безсознательной душевной жизни.—Очеркъ современныхъ философскихъ ученій о душѣ проф. Челпанова.—Проф. Огневъ о неовитализмѣ.—Философія войны проф. гр. Л. А. Комаровскаго.—Группировка статей въ „Вѣрѣ и разумѣ“.—Г. Вержболовичъ о пособіяхъ философскаго самообразованія.—Статья г. Красюка о старомъ славянофильствѣ.—Избранные трактаты Плотина въ переводѣ проф. Малеванскаго.—Исслѣдованіе проф. о. Буткевича о философскомъ монизмѣ Геккеля.—Проф. Струве о матеріи, духѣ и эвергіи.—Заключительное замѣчаніе.

За послѣднія десятилѣтія философія въ Россіи сдѣлалась настолько существеннымъ элементомъ умственнаго развитія общества, что оказалась нужда и явилась возможность издавать даже два спеціально-философскихъ журнала. Старѣйшій изъ нихъ, „Вѣра и разумъ“, основанный преосвященнымъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ, издается съ 1884 года двухнедѣльными книжками; — всего, такимъ образомъ, онъ существуетъ уже 18-й годъ, и доселѣ вышло его 413 №№. Второй журналъ, „Вопросы философіи и пси-

хологін“, основанъ при Московскомъ психологическомъ обществѣ покойнымъ профессоромъ Московскаго университета Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ, издается 12-й годъ и выходитъ двухмѣсячными книжками (кромѣ іюня и іюля) пять разъ въ годъ (въ началѣ выпускалось четыре книжки въ годъ);—всего доселѣ вышло 55 книжекъ. Два журала на всю Россію—нельзя сказать, чтобы этого было много, особенно, если сравнивать съ нашей западной сосѣдкой Германіей, гдѣ издается (если не ошибаемся) десять философскихъ журналовъ. Нельзя, правда, сказать, чтобы и эти два журнала имѣли очень много подписчиковъ. По „матеріаламъ для журнальной статистики за 1900 г.“, сообщеннымъ редакціей „Вопросовъ философіи и психологін“, видно, что этотъ журналъ въ прошломъ году расходился въ количествѣ 1199 экземпляровъ ¹⁾. Въ какомъ количествѣ расходилась „Вѣра и разумъ“, мы не знаемъ. Извѣстно только, что этотъ журналъ обязательно выписывается всѣми причтами Харьковской епархіи. Во всякомъ случаѣ, мы безъ риска ошибиться можемъ принять для обоихъ журналовъ общую цифру подписчиковъ въ 2½—3 тысячи. Это,—повторяемъ,—величина не слишкомъ то крупная. Но важно то, что она является уже до извѣстной степени устойчивой и имѣетъ надежды на повышеніе. Если-же мы еще примемъ во вниманіе, что, съ одной стороны, большинство образованной публики (не считая специалистовъ) предпочитаетъ пользоваться специальными журналами въ бібліотекахъ, а съ другой,—что по самому существу дѣла интересъ къ философіи можетъ быть свойственъ только наиболѣе развитой части въ средѣ самой интеллигенціи, то должны будемъ признать, что вообще философскіе журналы имѣютъ у насъ достаточный контингентъ читателей. И надо сказать, что на этотъ же кругъ читателей могъ-бы приблизительно рассчитывать и всякій вновь открывшійся философскій журналъ ²⁾. Спросъ

¹⁾ Въ томъ числѣ бесплатныхъ и обмѣнныхъ 199. Вся-же подписка распредѣлялась такъ: за границу 70 экз., въ Москву 191, въ СПб 178 и по губери. 760 (Вопр. ф. и пс., кн. 55, стр. 554).

²⁾ Если-же, тѣмъ не менѣе, новыхъ философскихъ журналовъ не появляется, то причина этого заключается главнымъ образомъ въ недостаткѣ сотрудниковъ. Пишутъ по философіи у насъ почти исключительно профессора и приватъ-доценты философскихъ наукъ въ высшихъ учеб-

на философское чтеніе стоитъ твердо. Въ этомъ то смыслъ мы и назвали философію существеннымъ элементомъ въ умственномъ развитіи современнаго русскаго общества; и несомнѣнно, что этотъ элементъ долженъ такъ или иначе сказываться на выработкѣ общественныхъ настроеній въ нашемъ отечествѣ, или, по крайней мѣрѣ, самъ служить ихъ выраженіемъ.

Какія-же идеи проводятъ въ сознаніе образованнаго общества эти два журнала? Кратко и въ общемъ видѣ отвѣтить на этотъ вопросъ мы въ настоящемъ случаѣ не беремса, потому что для этого потребовалось-бы подвергнуть тщательному анализу все напечатанное въ обоихъ журналахъ съ самаго ихъ основанія и затѣмъ обобщить результаты такого анализа. Мы хотимъ только познакомить читателей „Богословскаго Вѣстника“ съ нѣкоторыми заслуживающими вниманія статьями обоихъ журналовъ за прошлый 1900 годъ ¹⁾, что, конечно, хотъ отчасти дастъ всетаки нѣкоторое представленіе о томъ, куда движется русская философская мысль. Но предварительно мы позволимъ себѣ нѣсколько замѣчаній

ныхъ заведенійхъ. Этотъ недостатокъ порождалъ нѣкоторыя опасенія при основаніи „Вѣры и разума“: рассказываютъ, что преосв. Никаноръ Херсонскій предрекалъ, что очень легко „вѣра“ останется безъ „разума“, т. е. журналъ будетъ терпѣть недостатокъ именно въ философскомъ матеріалѣ; къ счастью, это предсказаніе не оправдалось. Этотъ-же недостатокъ далъ себя почувствовать и при основаніи Петербургскаго философскаго общества: вскорѣ послѣ его открытія поднимался было вопросъ объ основаніи для него спеціальнаго органа, т. е. Петербургскаго философскаго журнала. Слухъ объ этомъ проектѣ обезпокоилъ нѣсколько Московское психологическое общество мыслью о неизбежномъ отливѣ части сотрудниковъ „Вопросовъ ф. и пс.“ къ ихъ будущему Петербургскому собрату. Но, повидимому, и Петербургскіе философы почувствовали себя недостаточно многочисленными, чтобы однимъ издавать цѣлый журналъ. Предсѣдатель философскаго общества, проф. СПб. унив. А-дръ И. Введенскій обратился къ предсѣдателю Моск. псих. общ-ва съ предложеніемъ считать „Вопросы философіи и психологіи“ органомъ и Петербургскаго философскаго общества. Предложеніе было принято, и съ тѣхъ поръ на обложкѣ журнала значится: „Изданіе Московскаго психологическаго общества при содѣйствіи С.-Петербургскаго философскаго общества“.

¹⁾ При этомъ считаемъ нужнымъ оговориться, что изъ „Вѣры и разума“ мы коснемся лишь нѣсколькихъ статей философскаго отдѣла, церковный-же отдѣлъ цѣликомъ оставляемъ въ сторонѣ.

объ отличительныхъ особенностяхъ каждаго изъ разсматриваемыхъ журналовъ.

„Вопросы философіи и психологіи“ являются органомъ независимой философіи самыхъ разнообразныхъ направленій. Журналъ не связываетъ себя какимъ-либо обязательнымъ credo, чуждается тенденціозности въ подборѣ статей, даетъ мѣсто писателямъ самыхъ различныхъ школъ. Здѣсь можно подъ рядъ встрѣтить статьи и гегельянца, и кантіанца, и позитивиста, и спиритуалиста, и матеріалиста, и пантениста, и теиста и т. д. Единственное требованіе, предъявляемое къ сотрудникамъ, есть требованіе научной серьезности и знакомства съ современнымъ положеніемъ обсуждаемыхъ вопросовъ въ соответственной литературѣ. Последнее обстоятельство, впрочемъ, не ведетъ къ обремененію статей обильной цитацией, обнаруживающей эрудицію авторовъ; напротивъ, эта эрудиція обыкновенно лишь предполагается, статьи же по большей части сопровождаются лишь самымъ ограниченнымъ числомъ необходимыхъ цитатъ, а часто печатаются и совсѣмъ безъ нихъ. Благодаря своей безпартійности, журналъ съ полнымъ правомъ можетъ считать себя ареной для обнародованія всѣхъ существующихъ и вновь возникающихъ въ Россіи философскихъ доктринъ, ареной даже борьбы между разнородными направленіями (въ немъ вполне допускается и полемика между сотрудниками). Разумѣется, нельзя не сочувствовать такому характеру журнала. Русская философія еще такъ молода, самостоятельныя направленія въ ней только еще намѣчаются, и было бы преждевременнымъ монополизировать существующіе у насъ философскіе журналы въ пользу одной какой-либо партіи.

„Вѣра и разумъ“ по самому своему назначенію отличается нѣсколько инымъ духомъ. Прежде всего имѣетъ значеніе то обстоятельство, что это—журналъ не просто философскій, а богословско-философскій и, притомъ, — издаваемый подъ духовной цензурой. Ясно, что на его страницахъ не могутъ найти себѣ мѣста статьи съ враждебнымъ богословію содержаниемъ, статьи матеріалистическаго и антирелигіознаго характера. Но мало этого,—помимо такого отрицательнаго требованія отъ сотрудниковъ, журналъ не чуждъ и нѣкоторой положительной тенденціи. Девизомъ своимъ онъ избралъ пареченіе Евр. XI, 3: „πίστει νοούμεν—вѣрою разумѣваемъ“.

Философія на страницахъ этого журнала, повидимому, должна быть „въ послушаніи вѣрѣ“. И насколько намъ извѣстно, преосв. Амвросій, почти до послѣдняго времени прочитывавшій предварительно большинство статей, строго наблюдалъ за исполненіемъ этого требованія. Статьи и изслѣдованія во многихъ случаяхъ носили ярко выраженную апологетическую окраску. Журналъ стремится быть органомъ специально-христіанской философіи. Но это совершенно естественное стремленіе не ведетъ однако-же къ посягательству на чисто-философскіе принципы сотрудниковъ, и редакція никогда не связывала своего направленія исключительно съ тою или иную исторически извѣстную философіей (подобно тому, какъ, напр., католическое философствованіе связано съ томизмомъ). Напротивъ, если вникнуть въ основные принципы и предположенія различныхъ авторовъ, то мы встрѣтимся съ поразительнымъ разнообразіемъ, доходящимъ иногда до полной противоположности: скептицизмъ и догматизмъ, априоризмъ и эмпиризмъ, рационализмъ и позитивизмъ, дуализмъ и монизмъ—эти и тому подобныя противоположныя тенденціи одинаково находили себѣ защитниковъ и пропагандистовъ среди сотрудниковъ „Вѣры и разума“. Редакція ограничивается лишь наблюденіемъ, чтобы въ статьяхъ не апологетическихъ явно не нарушались интересы богословія и христіанства; въ апологетическихъ-же статьяхъ для нея отказывается безразличнымъ, — на какіе философскіе принципы и предположенія опираются авторы ¹⁾. Такимъ

¹⁾ Что такое отношеніе къ дѣлу не есть результатъ случайности или какого-либо недосмотра со стороны редакціи, а является принципиальнымъ, это мы можемъ рѣшительно утверждать на основаніи одного личнаго опыта. Въ 1897 году, съ одобренія самого архіепископа Амвросія, печаталась въ „В. и Р.“ наша статья—„Православная догматика и религіозно-философское умозрѣніе“, заключительный выводъ которой гласилъ: „Православное богословіе въ общемъ относится къ естественному человѣческому разуму въ высшей степени благопріятно и съ полнымъ довѣріемъ. Никакихъ обязательныхъ программъ и методовъ, никакого философскаго „Credo“ православному мыслителю не навязывается. Отъ него требуется только искреннее признаніе положительной богооткровенной истины христіанства, а во всемъ остальномъ онъ безусловно свободенъ. Ему предоставляется идти какими угодно путями, держаться какой угодно философіи, лишь-бы онъ не становился въ противорѣчіе съ положительной вѣрой. Правда, послѣднее условіе содержитъ въ себѣ нѣкоторый ограничительный смыслъ—по отношенію къ системамъ, явно про-

образомъ, и „Вѣра и разумъ“,—если не считать нѣкоторыхъ неизбѣжныхъ въ духовномъ журналѣ формальныхъ ограниченій, — представляетъ, въ сущности, достаточно простора для свободнаго раскрытія самыхъ разнообразныхъ философскихъ началъ. Это, разумѣется,—весьма хорошо, потому что въ философіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо, свобода изслѣдованія есть *conditio sine qua non* собственно философіи.

Посмотримъ-же теперь, что далъ каждый изъ разсматриваемыхъ журналовъ за прошлый годъ.

Начнемъ свой обзоръ съ „Вопросовъ философіи и психологіи“. Разнообразный матеріалъ, помѣщенный здѣсь въ теченіе прошлаго года, можетъ быть распредѣленъ по слѣдующимъ группамъ (при этомъ распредѣленіи мы не принимаемъ въ расчетъ статей критико - библиографическаго характера, извѣстій и замѣтокъ). а) *Введеніе въ философію* представлено статьей П. И. Лапшина „О трусости въ мышленіи“ (кн. 55). б) Къ *Исторіи философіи* могутъ быть прежде всего отнесены статьи, посвященныя памяти недавно умершихъ русскихъ философовъ—Н. Я. Грота (въ кн. 51 статьи: В. Н. Ивановскаго „Очеркъ жизни и дѣятельности Н. Я. Грота“, Д. В. Викторова „Памяти Н. Я. Грота, какъ профессора“, Ю. И. Айхенвальда „Очеркъ этическихъ воззрѣній Н. Я. Грота“, П. П. Соколова „Н. Я. Гротъ, какъ мыслитель“), М. М. Троицкаго (въ кн. 52 статьи—А. С. Бѣлкина „М. М. Троицкій“ и В. Н. Ивановскаго „Къ характеристикѣ М. М. Троицкаго“), В. П. Преображенскаго (въ кн. 54 статьи: кн. С. Н. Трубецкаго „Памяти В. П. Преображенскаго“, Н. А. Котляревскаго „Воспоминанія о В. П. Преображенскомъ“). Затѣмъ, къ этой-же группѣ должны быть отнесены статьи и по исторіи за-

никнутымъ антихристіанскими и вообще антирелигіозными тенденціями; но къ такимъ системамъ, строго говоря, можно причислить только одианъ матеріализмъ, наименѣе философскую изъ всѣхъ доктринъ; всѣ-же прочія философіи, на которыя верѣдко думаютъ опираться представители различныхъ атеистическихъ, пантеистическихъ и т. п. ученій, въ дѣйствительности вовсе не приводятъ неизбѣжно къ такимъ воззрѣніямъ, а иногда гораздо лучше могутъ стать основой и теистическаго убѣжденія, какъ это мы и видимъ на многихъ примѣрахъ—англійской опытной философіи, картезіанства и т. п. волюнтаризма, или этелизма“ (См. въ отдѣльномъ изданіи, стр. 38).

падно-европейской и древне-греческой философіи: П. И. Житецкаго „В. Гумбольдтъ въ исторіи философскаго языкознанія“ (кн. 51), И. И. Иванова „Поиски за міросозерцаіемъ“ (кн. 53, 52 и 55), Вл. С. Соловьева „Объ авторѣ діалога Протагоръ“ (кн. 53), П. И. Новгородцева „Объ историческомъ и философскомъ изученіи идеи“ (кн. 54), Г. А. Рачинскаго „Трагедія Ницше“ (кн. 55), Н. А. Иванцова „Лейбницъ“ и П. Д. Боборыкина „О нищезанствѣ“ (кн. 54). в) Статьи по *Психологii*: А. Нечаева „Экспериментальныя данныя къ вопросу о вниманіи и внушеніи“ (кн. 52), Вл. А. Вагнера „Физическія страданія и чувство страха“ (кн. 53), А. Ф. Лазурскаго „О взаимной связи душевныхъ свойствъ и способахъ ея изученія“ (ib.), Ц. П. Балталона „Наблюденія и опыты по эстетикѣ зрительныхъ воспріятій“ (ib. и кн. 55), Н. В. Згурскаго „Психофизиологическая теорія чувствованій“ (ib. и кн. 55). г) Къ *Метафизикѣ* могутъ быть отнесены три статьи: въ кн. 54—Б. Н. Чичерина „Метафизика есть ли наука?“, Л. М. Лопатина „Къ вопросу о бессознательной душевной жизни“ и въ кн. 52—Г. И. Челпанова „Очеркъ современныхъ ученій о душѣ“. д) По *Натурфилософii* — статьи: А. Н. Шукарева „Очерки по философіи естествознанія“ (кн. 52) и И. Ф. Огнева „Витализмъ въ современномъ естествознаніи“ (кн. 54). е) По *Эстетикѣ*: Н. Г. Дебольскаго „Объ эстетическомъ идеалѣ“ (кн. 55) и В. Е. Гиацинтова „Объ отношеніи искусства къ дѣйствительности“ (ib.). ж) По *Философii права*: Б. Н. Чичерина „Философія права“ (кн. 51) и гр. Л. А. Комаровскаго „Къ вопросу о философіи войны“ (кн. 53). з) По *Философii исторii*—статья Р. Ю. Вишпера „Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія“ (кн. 53) и и) по *Философii религii*—Вл. С. Соловьева „Послѣдняя лекція въ С.-Петербургскомъ Университетѣ въ 1882 году“ (кн. 54) ¹⁾.

Наибольшій общій и принципиально-философскій интересъ,—какъ по важности затрогиваемаго предмета, такъ равно и

¹⁾ Послѣдняя статья, впрочемъ, появляется въ „Вопр. фил. и псих.“ не впервые. Она раиѣе была напечатана въ „Правосл. Обзорѣнii“ (1883, 1) подъ заглавіемъ: „Жизненный смыслъ христіанства, философскій комментарий на ученіе о Логосѣ ап. Іоанна Богослова“. Редакція узнала объ этомъ только уже во время печатанія статьи; но, полагая, что „большинству читателей она такъ-же была невѣстна, какъ и ей“, рѣшила сохранить ее (Вопр. ф. и пс., кн. 54, стр. 639, прим.).

по литературнымъ достоинствамъ,—представляетъ несомнѣнно первая изъ перечисленныхъ статей, г. *Лапшина*. Молодой, начинающій философъ поднялъ вопросъ, правда, не новый, но весьма умѣстный для обсуждения именно у насъ въ Россіи, гдѣ не только внѣшнія условія и строгости обязательной и добровольной цензуры, но и самый характеръ нашего просвѣщенія, еще не вполне умѣющаго стоять на своихъ собственныхъ ногахъ и не эмансипировавшагося отъ рабства всевозможнымъ авторитетамъ, способствуютъ развитію именно мыслелоязни. Подъ „трусостью въ мышленіи“ г. Лапшинъ разумѣетъ „страхъ предъ извѣстными представленіями“, способными, съ точки зрѣнія боящагося, подорвать всякое значеніе нѣкоторыхъ другихъ весьма цѣнныхъ истинъ и представлений. Напримѣръ, страхъ предъ матеріализмомъ легко можетъ породиться такимъ соображеніямъ, что „если я примыкаю къ матеріалистической точкѣ зрѣнія въ теоріи знанія, я долженъ въ этикѣ отказаться отъ представленія о загробномъ существованіи нематеріальной души“. Что подобнаго рода страхъ вообще свойственъ человѣческой природѣ, это было подмѣчено давно. Такъ, уже Аристотель въ своей „Риторикѣ“ указываетъ возможность вліять на логическія убѣжденія другихъ людей путемъ „интимидациі“ (кн. II, гл. VII). Особенно краснорѣчиво характеризуетъ этотъ приемъ въ спорѣ Шопенгауэръ (онъ называетъ его „argumentum ab utili“): „Если вамъ удастся заставить почувствовать вашего оппонента, что его мнѣніе, будь оно истинно, явно наноситъ ущербъ его интересамъ, онъ отброситъ его, какъ горячую картошку, и признаетъ, что съ его стороны было очень неосторожно отстаивать такое мнѣніе. Священникъ, напр., защищаетъ извѣстную философскую догму; вы даете ему понять, что эта догма непосредственно противорѣчитъ одному изъ основныхъ ученій церкви—и онъ покладаетъ ее. Помѣщикъ утверждаетъ, что введеніе машинъ въ земледѣльческія работы, практикуемое въ Англіи, превосходная затѣя, ибо одна машина выполняетъ работу многихъ людей. Дайте ему понять, что недалеко то время, когда экипажи будутъ приводиться въ движеніе паромъ, и что тогда стоимость его обширнаго конскаго завода значительно упадетъ—и вы увидите, что онъ скажетъ“.

Разсматриваемая г. Лапшинымъ „трусость въ мышленіи“

обыкновенно проявляется при знакомствѣ съ новыми и необычными міросозерцаніями и теоріями. Еи подвержены и философствующіе люди. „Знакомясь съ міросозерцаніемъ, которое чуждо усвоеннымъ ими ранѣе метафизическимъ возрѣніямъ, они, не понявъ, какъ слѣдуетъ, послѣдняго, пугаются возможной утраты извѣстныхъ цѣнностей, которая постигнетъ ихъ, если они станутъ на новую точку зрѣнія, не подозрѣвая того, что эти цѣнности отнюдь не потеряютъ своего значенія, если философы, какъ слѣдуетъ, усвоятъ себѣ новый взглядъ на міръ и познаніе“. Задачей своей статьи авторъ ставитъ—иллюстрировать эту „трусость“ примѣрами предубѣжденно-отрицательнаго отношенія къ т. н. „философскому идеализму“ (феноменализму). „Подобно индѣйской сказочной царевнѣ, слѣпо вѣрившей, что, если роза ея увянетъ—это значитъ, что отецъ ея, находящійся въ походѣ, умеръ, хотя между обоими событіями не могло быть ровно никакой связи, реалисты, полагаятъ, что, утративъ догматическую вѣру въ независящую отъ сознанія реальность бытія, они теряютъ нѣчто цѣнное: такіе выводы пугаютъ ихъ, и иногда *этотъ страхъ, а не убѣжденіе въ логической несостоятельности идеализма, имѣетъ для нихъ рѣшающее значеніе*“. Этотъ страхъ проявляется различно, смотря по профессіи мыслителя: „въ *духовномъ лицѣ, въ общественномъ дѣятелѣ, въ ученомъ, въ поэтѣ* идеализмъ вызываетъ различнаго рода страхи“.

Авторъ подробно останавливается на анализѣ cadaго изъ видовъ этого „страха предъ идеализмомъ“. Въ главѣ „опасность идеализма съ точки зрѣнія духовнаго лица“ онъ говоритъ о враждѣ къ идеализму со стороны католическихъ писателей, для которыхъ „идеализмъ представляется опаснѣйшимъ ученіемъ, такъ какъ онъ подрываетъ вѣру въ два рода реальностей, цѣнныхъ по преимуществу: 1, въ сверхчувственный міръ и 2, въ видимую церковь“. Здѣсь много любопытныхъ данныхъ, характеризующихъ нежеланіе и неспособность католическихъ богослововъ проникнуть въ основанія критическаго идеализма по существу, — „потому что онъ долженъ быть неправъ во всякомъ случаѣ“. Только, намъ думается, авторъ напрасно далъ этой главѣ такое заглавіе, ипсннуирова, будто *всякое духовное лицо* заражено подобной „трусостью“. Вѣдь католическое богословіе находится

въ особомъ и исключительномъ отношеніи къ философіи: аристотелизмъ и томизмъ настолько тѣсно слились съ нимъ, что мѣшаютъ ему не только участвовать въ развитіи новѣйшей философіи, но и понимать его. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся духовныя лица протестантства и православія. Относительно первыхъ авторъ, навѣрное, самъ знаетъ, что они отнюдь не чуждаются вліянію новѣйшей философіи вообще и идеалистической въ частности. Не мѣшало бы ему также знать, что и православное богословіе отнюдь не связываетъ своей судьбы съ какою-либо спеціальною гносеологической или метафизической доктриной; и православное духовное лицо охотно признаетъ соображеніе г. Лапшина, что теизмъ можетъ удобно сочетаться съ различными гносеологическими, метафизическими и тимологическими доктринами,—напр., и съ идеализмомъ и оптимизмомъ (Берклей) и съ реализмомъ (Локкъ) и т. п. Въ главѣ о страхѣ предъ идеализмомъ общественныхъ дѣятелей авторъ приводитъ много любопытныхъ и даже комичныхъ примѣровъ негодованія и инсинуаціи, съ какими англичане относились къ идеализму Берклея, скептицизму Юма и т. п. ученіямъ ¹⁾. Съ точки зрѣнія естествоиспытателей идеализмъ „представляетъ наростъ на современной философіи, раковую опухоль, которая питается ея жизненными соками“; самая возможность его существованія есть „просто скандалъ“, допуска-

¹⁾ Они, не обинуясь, называли ученіе Берклея „скандальнымъ абсурдомъ: высказывали убѣжденіе, что за принятіемъ его „послѣдуетъ разложеніе общества и гибель человечества“. Главныхъ возраженій противъ идеализма обыкновенно выставлялось три (у Рида): 1, „идеализмъ идетъ въ разрѣзъ инстинкту самосохраненія; 2, „идеализмъ сводится къ солипсизму, т. е. къ отрицанію реальности другихъ живыхъ существъ“; 3, „идеализмъ Берклея и критика закона причинности Юма подрываютъ прочность всѣхъ общественныхъ отношеній и между прочимъ ведутъ къ невозможности управлять правосудіе“. Опасность Юмова скептицизма стараются, между прочимъ, доказывать и ссылкой на его, будто-бы, безнравственный источникъ: говорили, что періодъ наибольшаго философскаго скептицизма Юма совпадаетъ со временемъ, когда противъ него былъ возбужденъ процессъ одной женщиной, обвинявшей его въ томъ, что онъ, приживъ съ ней ребенка, бросилъ ее. „Крайне любопытно.—говоритъ Макъ-Кошъ,—что этотъ инцидентъ случился именно въ то время, когда юноша покидалъ свой родной домъ (23-лѣтній Юмъ отправлялся путешествовать) въ такомъ исключительномъ состояніи духа“.

емый философией. Для поэта идеализмъ оказывается просто иллюзионизмомъ, и ему кажется, что—1, „во внѣшнемъ мірѣ—галлюцинаціи красота становится блѣднымъ вымысломъ“;—2, качественное разнообразіе міра тоже страдает;—3, наконецъ, идеализмъ ведетъ къ отрицанію другихъ живыхъ существъ, а „соллипсизмъ для поэта — нѣчто худшее смерти: онъ вселяетъ въ него безграничный ужасъ“.

За этими примѣрами слѣдуютъ весьма любопытныя и цѣлѣмъ тонкія психологическія соображенія касательно разсматриваемаго явленія. Послѣдняя глава посвящена вопросу о средствѣ противъ трусости въ мышленіи. Иногда достаточно бываетъ выяснить мыслителю только присутствіе въ его размышленіяхъ этого страха, чтобы онъ отсталъ отъ него. Главнымъ же средствомъ является широкое научное и историко-философское образованіе.

Статья г. Лапшина съ удовольствіемъ и глубокимъ интересомъ прочитается всякимъ,—какъ специалистомъ, такъ и вообще образованнымъ человѣкомъ. Каждый легко и самъ можетъ припомнить множество другихъ примѣровъ, кромѣ приведенныхъ авторомъ, потому что мысль боязнъ проявляется не въ отношеніи только къ идеализму и не только въ философіи, а и во многихъ другихъ случаяхъ,—напр., въ обсужденіи вопросовъ общественныхъ, политическихъ, религіозныхъ и т. п.

Послѣдніе годы для русской философіи сказываются весьма ощутительными потерями. Большинство сходящихъ въ могилу философовъ обыкновенно и находятъ себѣ оцѣнку на страницахъ „Вопросовъ“. Смерть Н. Я. Грота была насколько неожиданной, настолько-же и чувствительной потерей для психологическаго общества и русской философіи. Посвященные его памяти статьи довольно полно освѣщаютъ личность и ученіе этого покойнаго философа. Жаль только, что его сослуживцы не дали характеристики его, какъ члена ученой университетской семьи. Всѣ статьи о немъ принадлежатъ частью его ученикамъ, частью лицамъ постороннимъ для Московскаго университета. Изъ этихъ статей читатели могутъ видѣть, какою богато одаренной, энергичной, предпріимчивой, прогрессивной и отзывчивой на все доброе и высокое натурой былъ Н. Я. Гротъ (статья В. Н. Ивановскаго); какимъ онъ былъ образцовымъ профессоромъ, чуж-

дымъ всякой рутины и олимпійства, готовымъ на самопожертвованіе въ пользу студентовъ и стремившимся быть для нихъ не столько авторитетнымъ учителемъ, сколько лишь опытнымъ руководителемъ и другомъ (Д. В. Викторовъ). Что касается собственно воззрѣній Н. Я-ча, то совершенно вѣрно указываютъ на глубокой нравственный интересъ, проникавшій всѣ его работы и двигавшій ими; своеобразная, нѣсколько эвдемонистическая этика Грота замѣчательно гармонируетъ съ его духовнымъ складомъ и, не смотря на свою незаконченность и несогласованность въ нѣкоторыхъ частяхъ, производитъ чрезвычайно подкупающее и пріятное впечатлѣніе въ пользу цѣльной и симпатичной личности философа (см. статью Ю. И. Айхенвальда). Въ выработкѣ чисто философскихъ своихъ взглядовъ Н. Я. прошелъ нѣсколько стадій: „періодъ позитивизма, періодъ метафизическаго идеализма и періодъ примиренія позитивизма и идеализма въ духѣ современной научной философіи“ (П. П. Соколовъ) ¹⁾. Напомнимъ, ксстати, читателямъ, что Н. Я. Гротъ былъ однимъ изъ самыхъ плодovitыхъ писателей нашего времени. Полный перечень его ученыхъ и публицистическихъ трудовъ (сдѣланный В. Н. Ивановскимъ) обнимаетъ 88 названій. Между ними есть и крупныя работы высокой научной цѣнности.

Въ характеристикахъ М. М. Троицкаго справедливо ставится ему въ особенную заслугу энергичное требованіе эмпирическаго, индуктивнаго метода для психологін. Въ свое время „Нѣмецкая психологія“ М. М-ча была крупнѣйшимъ явленіемъ въ области русской философской литературы. Теперь уже ни одинъ серьезный психологъ, сколько-нибудь понимающій задачи своей науки, не рѣшится вести ее на метафизическихъ помочахъ. Теперь даже люди, въ философіи далеко не примыкающіе къ англійскому эмпиризму, въ психологін всетаки необходимо являются сторонниками и продолжателями здравыхъ завѣтовъ англійской школы. Для конца-же 60-хъ годовъ диссертация М. М-ча была чрезвычайно прогрессивнымъ явленіемъ. Исторія русской философіи никогда не забудетъ этой заслуги М. М. Троицкаго. Увле-

¹⁾ Больше подробное раскрытіе этой характеристики, какъ, м. б., помнятъ читатели, помѣщено авторомъ въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ за 1899 годъ подъ заглавіемъ „Философскій скиталецъ“.

ченіе его англійскимъ эмпиризмомъ явилось въ немъ не сразу: въ бытность его бакалавромъ Кіевской духовной академіи ¹⁾ и нѣкоторое время послѣ того онъ болѣе придерживался нѣмецкой философіи, провозглашая даже Фихте старшаго гениальнѣйшимъ мыслителемъ. Тѣмъ цѣннѣе его позднѣйшая пропаганда эмпиризма, какъ плодъ глубокаго и всесторонне продуманнаго убѣжденія.

В. П. Преображенскій русской читающей публикѣ извѣстенъ, только какъ авторъ двухъ прекрасно и талантливо написанныхъ статей—о Ницше и Шопенгауэрѣ и какъ редакторъ переводовъ и изданій психологическаго общества. Но онъ весьма много потрудился для организаціи и веденія журнала. А затѣмъ въ воспоминаніяхъ близкихъ къ нему лицъ (съ особеннымъ интересомъ читается въ этомъ случаѣ чрезвычайно красиво и тепло составленная рѣчь кн. С. Н. Трубецкого) онъ рисуется, какъ богато одаренная, высоко интеллигентная и разносторонне образованная личность, какъ тонкій философскій умъ, который лишь вслѣдствіе крайней критической требовательности къ самому себѣ такъ мало оставилъ въ наслѣдство русской философіи. Этимъ и объясняется то,—на первый взглядъ чрезмѣрно участливое, — вниманіе, съ какимъ отнеслось къ его памяти психологическое общество, посвятившее ему цѣлую отдѣльную книгу своего журнала (№ 54).

Изъ статей по общей исторіи философіи слѣдуетъ отмѣтить статью *П. И. Новгородцева*, выясняющую важный методологическій вопросъ. Несомнѣнно, что историческое изученіе идей весьма важно и для самой исторіи, и для философіи. Но несомнѣнно также, что историки какъ у насъ, такъ и за границей, сильно преувеличиваютъ цѣнность и значеніе своихъ изысканій. Понять и объяснить возникновеніе идеи въ связи съ жизнью и культурными условіями ея эпохи, конечно, важно; но важно-ли это само по себѣ? Къ чему мнѣ знать подобный генезисъ, если это знаніе никакимъ образомъ не служитъ мнѣ къ выработкѣ собствен-

¹⁾ М. М. Троицкій окончилъ курсъ въ Кіевской дух. академіи въ 1857 г. (вмѣстѣ съ преосв. Сильвестромъ Малеванскимъ) и былъ оставленъ преподавателемъ философіи и греческаго языка, каковыя должности и продолжилъ до 1861 г.

наго міровоззрѣнія ¹⁾? Философскія идеи (включая сюда и идеи т. н. практической философіи — политическія, нравственныя и т. п.) не суть *только* цвѣты всеобщаго культурнаго процесса, а въ значительной мѣрѣ цѣнны для насъ и и по своему содержанію, которымъ онѣ могутъ вліять и на людей самыхъ разнообразныхъ культуръ; философскія идеи суть элементы, претендующіе на то, чтобы войти въ составъ нашего міровоззрѣнія, и потому онѣ подлежатъ не только изученію со стороны своего происхожденія, но и критикѣ со стороны своей цѣнности. Вотъ почему, какъ справедливо утверждаетъ г. Новгородцевъ, къ чисто историческому изученію идей должно присоединяться „философское“ (иначе его называютъ еще „систематическимъ“, „догматическимъ“ ²⁾ „критическимъ“); у насъ есть законная „потребность выяснить значеніе доктрины съ точки зрѣнія принятыхъ нами точекъ зрѣнія или одушевляющихъ насъ стремленій“. Что одного историческаго изученія идеи въ рамкахъ ея эпохи недостаточно, это видно, между прочимъ, изъ того, что „подобно тому, какъ въ своемъ происхожденіи каждая болѣе глубокая доктрина не покрывается ближайшими и непосредственными впечатлѣніями, такъ и въ своемъ вліяніи она можетъ простираться далеко за предѣлы своей эпохи, являясь источникомъ поученій для послѣдующихъ вѣковъ и поколѣній; логическій объемъ доктрины, какъ системы абстрактныхъ опредѣленій, шире тѣхъ непосредственныхъ реальныхъ поводовъ, которыми она вызывается въ жизни“. Наконецъ, само надлежащее полное и основательное историческое изученіе невозможно безъ соотвѣтственнаго философскаго.

Значительный общій интересъ могли-бы представлять

¹⁾ Говоря это, мы отнюдь не отрицаемъ за историкомъ права считать *свою* задачу оконченной именно только выясненіемъ генезиса; но пусть историкъ помнитъ, что его задачами не исчерпывается наиболѣе существенный интересъ къ предмету, и что самыя эти задачи не суть нѣчто самодовлѣющее, а имѣютъ лишь служебное значеніе по отношенію къ высшимъ, философскимъ задачамъ.

²⁾ Слово „догматическое“ (отъ „догма“) у автора указываетъ на положительное содержаніе доктрины, а не является противоположностью „критическому“, какъ принято въ современной гносеологической терминологіи.

статьи о Ницше. Но статья г. Рачинскаго еще не окончена въ прошломъ году, поэтому и сужденіе о ней мы отлагаемъ до слѣдующаго обзорѣнія. Статья-же г. Боборыкина болѣе посвящена памяти В. П. Преображенскаго, какъ толкователя Ницше. Остальныя статьи отличаются болѣе специальнымъ характеромъ. Общедоступно и интересно написана статья *Н. А. Иванцова*. Воззрѣнія Лейбница имъ изложены правильно и съ яснымъ пониманіемъ дѣла; но историческое положеніе и значеніе Лейбница указано очень односторонне: „нѣмецкая философія, по словамъ автора, есть дитя нѣмецкаго протестантизма и имѣетъ къ послѣднему такое-же отношеніе, какое схоластика и картезіанство въ его правой имѣли къ католичеству;... въ общемъ философія Лейбница носитъ всѣ черты старой схоластики“. Едва-ли историкъ философіи можетъ согласиться съ такимъ расширеннымъ пониманіемъ схоластики и такой упрощенной оцѣнкой Лейбница.

Статьи по *психологіи* всѣ затрогиваютъ весьма интересныя темы, знакомятъ со множествомъ любопытныхъ фактовъ и наблюденій, даютъ не мало довольно поучительныхъ выводовъ. Но, къ сожалѣнію, въ рамкахъ настоящаго обзорѣнія мы не можемъ ихъ коснуться, потому что познакомить съ ними читателей и особенно оцѣнить ихъ было-бы невозможно на двухъ-трехъ страницахъ: безъ приведенія фактовъ и дов. многочисленныхъ примѣровъ изложеніе превратилось-бы въ сухую ничего не говорящую читателю схему. Но, впрочемъ, можетъ быть, современемъ на страницахъ „Богословскаго Вѣстника“ и будетъ специальное обзорѣніе русской психологической литературы. Мы-же теперь переходимъ къ статьямъ по *метафизикѣ*.

Ветеранъ русской философіи *Б. Н. Чичеринъ* выступаетъ на защиту метафизики, какъ науки. Статья его представляетъ рефератъ, посланный на международный философскій конгрессъ въ Парижѣ. „Противоположеніе метафизики и науки, — говоритъ авторъ, — составляетъ одну изъ многихъ ходячихъ мыслей въ настоящее время. Наука—это то, что мы знаемъ достовѣрно, познаніе истины вещей; метафизика—это не болѣе, какъ пустыя отвлеченности, произведенія воображенія, не имѣющія ничего общаго съ реальнымъ міромъ. Въ крайнемъ случаѣ считаютъ ее собраніемъ гипотезъ на счетъ того, о чемъ мы не можемъ имѣть никакихъ досто-

вѣрныхъ свѣдѣній. Такова точка зрѣнія, на которую становятся всѣ тѣ, для которыхъ опытъ составляетъ единственный источникъ всего, что мы можемъ знать объ окружающихъ насъ предметахъ и о себѣ самихъ“. Авторъ рѣшительно возстаетъ противъ такого воззрѣнія и старается доказать, что „опытъ отнюдь не служитъ единственнымъ источникомъ нашего знанія“;—что „самая наука, будучи руководима разумомъ, не можетъ обходиться безъ метафизическихъ понятій, которыя, сознательно или безсознательно, примѣшиваются ко всему, что мы думаемъ и изслѣдуемъ“. Доказательство ведется сначала отрицательнымъ путемъ: анализъ эмпирической гносеологiи показываетъ, что скептицизмъ, а затѣмъ и мистицизмъ—ея законныя послѣдствія. Затѣмъ положительный доводъ: разсматривая приемы положительныхъ наукъ, мы видимъ, что онѣ не могутъ обойтись безъ апіорныхъ понятій „причины“, „субстанціи“ и „силы“. Далѣе, математика, безспорнѣйшая изъ наукъ, самымъ своимъ существованіемъ являетъ убѣдительнѣйшее опроверженіе эмпиризма. „Математическая наука доказываетъ неопровержимымъ образомъ, что источникъ нашего знанія двоякій, опытъ и мышленіе, при чемъ послѣднее, исходя изъ данныхъ чистаго разума, можетъ придти къ совершенно достовѣрнымъ выводомъ на счетъ законовъ, управляющихъ міромъ“. Изслѣдованіе категорiй, ихъ разнороднаго примѣненія въ области познанія и построеніе системы понятій, руководящихся разумомъ въ познаніи вещей, и составляетъ предметъ логики и, главнымъ образомъ, метафизики. Въ пониманіи задачъ метафизики авторъ совершенно открыто примыкаетъ къ Гегелю и даже утверждаетъ, что „Гегель положилъ прочныя основанія этому зданію, вся дальнѣйшая работа должна примыкать къ нему, и въ этомъ состоитъ главная задача настоящаго времени“. Согласно съ Гегелемъ онъ говоритъ, что „законы разума суть вмѣстѣ и законы реальнаго міра, а потому понятія разума являются выраженіемъ этихъ законовъ и соотвѣтствуютъ природѣ вещей“. Въ этихъ разсужденіяхъ почтеннаго философа очень много справедливаго и поучительнаго, хотя,—надо прямо сказать,—гегельянская точка зрѣнія, съ которой ведется здѣсь защита метафизики, въ глазахъ многихъ современныхъ философфовъ можетъ быть дискредитирующимъ признакомъ.

Проф. Л. М. Лопатинъ старается факты т. н. бессознательной душевной жизни привлечь къ рѣшенію вопроса о сравнительномъ достоинствѣ двухъ типовъ спиритуализма: 1) „картезіанскаго, признающаго душу и тѣло за начала субстанціально противоположныя одно другому, непостижимымъ образомъ другъ съ другомъ связанныя, видящаго въ душѣ абсолютно единую, простую сущность, вся жизнь которой исчерпывается ея сознательными процессами и состояніями, и обращающаго нашъ тѣлесный организмъ въ чисто внѣшній агрегатъ протяженныхъ частей, въ которомъ ничего не совершается, кромѣ механическихъ движеній въ пространствѣ;—2) лейбниціанскаго или монадологическаго, принципиально отрицающаго существенную противоположность между духовнымъ и матеріальнымъ бытіемъ и полагающаго, что нашъ сознательный духъ есть, хотя и высшій, но не единственный центръ психической жизни въ насъ“. По мнѣнію автора, „гипотеза монадологическая имѣетъ несомнѣныя и огромныя преимущества, если только устранить изъ нея въ высшей степени произвольное метафизическое предположеніе Лейбница о совершенной непроницаемости и замкнутости монадъ другъ для друга и замѣнить его гораздо болѣе естественнымъ признаніемъ ихъ реального взаимодействія и возможности взаимныхъ отраженій ихъ внутренняго содержанія. Съ этой точки зрѣнія вполне совмѣщаются субстанціальное единство нашего сознанія съ внутренней сложностью основы нашей психической жизни въ ея цѣломъ. При этой гипотезѣ, далѣе, становятся понятными безчисленныя воздѣйствія бессознательной психики на сознательный ходъ нашихъ душевныхъ явленій, понятна при ней и глубокая зависимость душевныхъ процессовъ отъ физиологическихъ отправленій нашего мозга—вѣдь тогда у каждаго такого отправленія надо предположить свою особую психическую изнанку болѣе или менѣе сложнаго типа“. Эта работа проф. Лопатина стоитъ въ тѣсной связи съ прежними его статьями, посвященными защитѣ дуализма въ ученіи о человѣкѣ. Свой дуализмъ онъ, впрочемъ, желаетъ отличать отъ метафизическаго дуализма, абсолютно противопологающаго духъ и матерію: его дуализмъ только „полагаетъ, что душа и тѣло, какова-бы ни была ихъ внутренняя природа, и какъ-бы ни были они тѣсно связаны, суть всетаки различныя ис-

точники разныхъ явленій“¹⁾. Проф. Л. М. Лопатинъ уже давно извѣстенъ образованной публикѣ, какъ одинъ изъ выдающихся, солидныхъ современныхъ русскихъ мыслителей, какъ защитникъ и пропагандистъ оригинальной, серьезно задуманной и основательно раскрываемой спиритуалистической системы²⁾. Въ виду существенной однородности этого новаго его произведенія съ прежними трудами, намъ нѣтъ надобности касаться теперь его научной и философской цѣнности.

Статья проф. Г. И. Челпанова имѣетъ цѣлью „познакомить читателей съ современными философскими ученіями о душѣ“. Любопытно, что, подобно Л. М. Лопатину, и онъ считаетъ свою статью отнюдь не трактатомъ по метафизикѣ, а по психологіи, забывая, что эмпирической психологіи до души нѣтъ никакого дѣла³⁾. Очевидно, что даже наиболѣе безпристрастными и трезвыми умами нашего времени владѣетъ инстинктивный *horror metaphysicae*, и они предпочитаютъ проводить метафизическія теоріи въ сознаніе образованнаго общества подъ психологическимъ флагомъ. Авторъ начинаетъ съ разсмотрѣнія того ученія, которое называется обыкновенно *психофизическимъ монизмомъ* или *параллелизмомъ*. Онъ находитъ, что это ученіе возникаетъ въ связи съ ученіемъ Декарта и его преемниковъ — окказіоналистовъ и Спинозы. „Въ текущемъ столѣтіи опытная наука: анатомія, физиологія, химія и др. доставили огромный матеріалъ, доказывающій *соотвѣтствіе* между физическими и психиче-

1) Кстати замѣтимъ, что сейчасъ указанное отграниченіе проф. Лопатинымъ своего взгляда отъ метафизическаго ученія о внутренней сущности духа и матеріи нисколько не говоритъ противъ отнесенія нами его статьи къ группѣ статей по метафизикѣ, потому что задачи и выводы его суть всетаки метафизическіе, выходятъ изъ рамокъ эмпирической психологіи.

2) Подобно Вл. С. Соловьеву, Л. М. Лопатинъ началъ свою литературную дѣятельность въ „Православномъ Обзорѣніи“ и доселѣ остается защитникомъ возрѣній, въ высшей степени гармонирующихъ съ интересами религіи и богословія.

3) Ссылка-же его на эмпириковъ Милля и Спенсера, которые „не только считали возможнымъ говорить о душѣ, но даже призывали ее существующей, ничего не доказываетъ, п. ч. Милль и Спенсеръ въ этомъ случаѣ являются философами, рѣшающими вопросъ, по существу метафизическій, а не психологами-эмпириками.

скими явленіями“. Матеріализмъ пытался истолковать это соотвѣтствіе въ свою пользу. Недостатки матеріалистическаго пониманія причинности „дали поводъ современнымъ эмпирикамъ-философамъ (Авенариусъ и Махъ) устранить самое понятіе причинности и ввести вмѣсто него понятіе *функциональнаго отношенія*“, утверждающаго *параллелизмъ* физическихъ и психическихъ процессовъ, т. е. въ сущности вернуться къ точкѣ зрѣнія Декарта, окказіоналистовъ и Лейбница. Различное рѣшеніе вопроса,—„отчего дѣйствіе этихъ двухъ различныхъ міровъ находится другъ съ другомъ въ согласіи“, — создало между сторонниками параллелизма два направленія: 1, теорія *эмпирическаго параллелизма* и 2, теорія *монизма* или *неопитнозизма*. Обзоръ этихъ ученій авторъ заканчиваетъ выводомъ: „Если такой выдающійся писатель, какъ Вундтъ, не могъ провести послѣдовательно принципа монизма, то это ясно указываетъ на недостаточность самаго принципа монизма, и потому кажется, что въ настоящее время на вопросъ, что можно считать болѣе правильнымъ, монизмъ или дуализмъ, слѣдовало-бы отвѣтить, что дуализмъ, признающій матеріальный и особенный духовный принципъ, во всякомъ случаѣ лучше объясняетъ явленія, чѣмъ монизмъ“. Послѣ этого онъ переходитъ къ разсмотрѣнію вопроса о „душѣ“. Въ рѣшеніи этого вопроса „въ настоящее время среди философовъ одни являются сторонниками такъ называемой *субстанціальности*, другіе являются сторонниками *актуальности*; сущность этого различія сводится къ тому, что, по мнѣнію первыхъ, душа есть субстанція, по мнѣнію вторыхъ, она есть непрерывно смѣняющаяся связь процессовъ или актовъ“. Защитниками этой послѣдней теоріи являются Паульсенъ и Вундтъ. Критическій анализъ различныхъ мнѣній по этому вопросу приводитъ автора къ заключенію, что „въ современной философіи тѣ, которые признаютъ существованіе души, признаютъ также и ея субстанціальность, если не прямо, то во всякомъ случаѣ косвенно“. Статья г. Челпанова производитъ весьма пріятное впечатлѣніе, какъ дѣльный историко-критическій очеркъ, соединяющій съ научной основательностью и полнотой общедоступность.

Изъ статей по *натурфилософіи* необходимо отмѣтить статью проф. И. Ф. Огнева о неовитализмѣ, какъ знаменательное

указаніе на возможность торжества идеалистическаго міровоззрѣнія и въ области естествознанія, въ этомъ исконномъ убѣжищѣ матеріалистической и механической теоріи. По мнѣнію проф. *И. Ф. Огнева*, хотя „попытка опредѣлить на основаніи характерныхъ чертъ въ современномъ естествознаніи его дальнѣйшее развитіе и ходъ основныхъ воззрѣній въ немъ не можетъ не заключать въ себѣ вѣроятностей ошибки, однако все-же не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что изъ теперешнихъ теченій научной мысли два перейдутъ въ новое столѣтіе и должны будутъ вступить между собою въ рѣшительную борьбу; одно изъ этихъ теченій является въ настоящее время господствующимъ, другое только нарождается“. Эти два теченія суть *механическое* міровоззрѣніе и новый *витализмъ*. „Характерной чертой для господствующаго теперь теченія научной мысли, говоритъ авторъ, является взглядъ на жизнь, какъ на чисто механическій процессъ. Между живымъ и мертвымъ нѣтъ по существу никакой разницы. Въ томъ и другомъ дѣйствуютъ однѣ и тѣ-же центральныя силы. Жизнь есть только особая форма движенія частицъ вещества или комбинація ихъ. Весь этотъ міръ, блестящій свѣтомъ и красками, полный различныхъ звуковъ и тепла, дающій намъ столько радостей и печалей, въ сущности лишень качествъ. Поперечныя колебанія частицъ ээпра отражаются въ насъ какъ цвѣта или тепло, продольныя волны воспринимаются какъ звукъ. Сами мы, какъ и всякій организмъ, представляемъ собою лишь очень сложную машину. Необъятную машину представляетъ собою и весь міръ. Казалось, что такое механическое міровоззрѣніе завладѣло очень надолго, если не навсегда, естествознаніемъ. Однако такое ожиданіе не оправдалось. Прѣжнее, казалось, давно и навсегда погребенное, ученіе о жизненной силѣ воскресло вновь и притомъ въ нѣсколько новой формѣ, чѣмъ прѣжде. Ученіе это получило названіе *неовитализма* и въ настоящее время усиливается и распространяется все болѣе и болѣе. Въ противность механическому міровоззрѣнію, оно выдвигаетъ на первое мѣсто въ органической жизни особую психическую силу, которая и является главной руководительницей жизни. Такимъ образомъ, на ряду съ господствующимъ механическимъ взглядомъ на природу явилось новое ученіе, которое, не отрицая вполне въ организ-

махъ, подобно прежнему витализму, значенія центральныхъ силъ и механическихъ отношеній, отводитъ имъ однако второе мѣсто въ объясненіи жизни“. Обзору неовиталистическихъ ученій г. Огневъ и посвящаетъ свою статью. Онъ разбираетъ здѣсь воззрѣнія—Бородина, Бунге, Ферворна, Риндфлейша, Фаминицына и Дриша. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ мѣста, чтобы коснуться какихъ-либо подробностей этого въ высшей степени любопытнаго анализа. Но мы позволимъ себѣ привести изъ него заключительныя строки, дышашія замѣчательнымъ безпристрастіемъ и тонкой наблюдательностью. „Если сопоставить, говорить проф. Огневъ, неовиталистовъ съ механистами, то невольно приходится отмѣтить, что противъ ясной, глубоко проработанной, широко захватывающей системы (механической теоріи) выдвигаются болѣе или менѣе разрозненныя мнѣнія и гипотезы, частію носящія критическій характеръ, частію являющіяся чисто произвольными. Трудно ожидать поэтому, чтобы одно міровоззрѣніе могло быстро, легко и просто замѣнить другое, тѣмъ болѣе, что сами неовиталисты въ значительной мѣрѣ или даже совершенно остаются на почвѣ механизма. Но, съ другой стороны, нельзя не признать, что механизмъ нисколько не оправдалъ тѣхъ ожиданій, которыя на него возлагались, онъ вовсе не объяснилъ всѣхъ явленій природы, какъ думали наши отцы и дѣды въ концѣ сороковыхъ и до шестидесятыхъ годовъ. Наоборотъ, все болѣе накоплялось фактовъ, съ механической точки зрѣнія непостижимыхъ. Кому, напр., не казалось возможнымъ отождествить нервную силу съ электричествомъ съ одной стороны, съ психической дѣятельностью съ другой—и кто бы теперь могъ стать на подобную точку зрѣнія, выполнѣ понятную и естественную еще въ шестидесятыхъ годахъ? — Механическое пониманіе природы стало теперь только однимъ изъ возможныхъ методовъ изученія природы, а не единственнымъ возможнымъ, какъ это можно было утверждать еще недавно. Нельзя не замѣтить при этомъ, что между чистой механикой и биологическими науками установилось при этомъ самое странное на первый взглядъ различіе въ воззрѣніяхъ на самыя основныя исходныя понятія въ той и другой области. Въ то время, какъ въ механикѣ и физикѣ атомъ, сила, матерія превратились въ словесныя фикціи, которыми обозначаются

совершенно невѣдомыя сущности, въ біологіи атомъ и матерія не только продолжаютъ сохранять свою полную реальность, но надѣляются еще многочисленными новыми атрибутами для объясненія, напр., наслѣдственности, такъ что на ряду съ обычными атомами, въ концѣ концовъ приводятся особыя фізіологическія (инотагмы, біобласты, оды), или даже говорятъ о колоссальныхъ молекулахъ бѣлка, такъ что цѣлый организмъ разсматривается, какъ одна молекула. Странно видѣть, что такіе приемы дѣлаются въ біологіи во имя чистой механики, и рядомъ провозглашается, что все должно быть сведена на послѣднюю... Быть можетъ, проблескамъ идеалистическаго міровоззрѣнія, которые находятъ теперь свое выраженіе въ неовитализмѣ, и суждено развиться въ будущемъ въ стройную синтетическую систему такого міровоззрѣнія; быть можетъ они опять на время заглохнутъ, охваченные бездной нарождающихся теперь въ такомъ изобиліи механическихъ, часто уже шаблонныхъ гипотезъ, но нельзя забывать, что искра зажигаетъ и пожаръ, и тотъ свѣточъ, при помощи котораго путникъ находитъ вѣрную дорогу въ самую темную ночь“. Мы не станемъ, конечно, утверждать, что витализмъ есть болѣе философское ученіе, чѣмъ механическая теорія; но намъ весьма отрадно видѣть, что наши естествоиспытатели не продолжаютъ упорно поклоняться старымъ идоламъ, а въ благородномъ, чисто философскомъ одушевленіи любовью къ истинѣ, оказываются чуткими даже къ опороченнымъ тенденціямъ, прозрѣвая въ нихъ проблески будущаго міровоззрѣнія.

Въ заключеніе своего обзора „Вопросовъ философіи и психологіи“ мы не можемъ не упомянуть одного чрезвычайно интереснаго и поучительнаго очерка по *философіи права*¹⁾;—разумѣемъ статью гр. Л. А. Комаровскаго „Къ вопросу о философіи войны“. Авторъ разбираетъ воззрѣнія на войну Вл. С. Соловьева и Б. Н. Чичерина и на этомъ разборѣ строитъ свои общія заключенія. Содержаніе статьи имъ самимъ резюмировано въ слѣдующихъ шести тезисахъ:

„1) Споры о характерѣ и назначеніи войны особенно ожи-

1) Намъ очень жаль, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ познакомиться читателей съ остальными статьями этого журнала. Наше молчаніе о нихъ отнюдь не значитъ, будто мы считаемъ ихъ мало интересными.

вились за послѣднее время и вызвали обширную литературу“.

„2) Желательно, чтобы научною разработкой этого вопроса занялось и Московское психологическое общество“.

„3) Въ послѣднихъ своихъ трудахъ высказались о войнѣ В. С. Соловьевъ и Б. Н. Чичеринъ. Мысли ихъ, при нѣкоторомъ сходствѣ, представляютъ, однако, не мало между собою и различій“.

„4) По мнѣнію Соловьева, въ войнѣ слѣдуетъ различать не одинъ, а три вопроса: общенравственный (теоретическій), историческій и лично-нравственный (практический); но конечный выводъ его страдаетъ нѣкоторою двойственностью и нерѣшительностью мысли“.

„5) Въ отличіе отъ Соловьева, положившаго въ основаніе своихъ разсужденій нравственный принципъ, Чичеринъ смотритъ на войну преимущественно съ политической точки зрѣнія и стоитъ подъ видимымъ давленіемъ, съ одной стороны, фактовъ прошлаго, съ другою—философіи Гегеля“.

„6) Задача философіи, по отношенію къ войнѣ, сводится къ тому, чтобы путемъ критическаго и самостоятельнаго изученія войны, содѣйствовать распространенію въ обществѣ здравыхъ о ней понятій и въ особенности выставлять все возрастающее несоотвѣтствіе ея всему современному культурному строю, требующему рѣшительнаго и общаго признанія, какъ основнаго начала общежитія, принципа мира“.

Нельзя, конечно, не согласиться, что философы должны взять на себя предлагаемую почтеннымъ авторомъ задачу; но надо также признать, что голосъ философіи можетъ быть услышанъ лишь ничтожнымъ меньшинствомъ современнаго общества. Было-бы весьма важно, если-бы къ философской пропагандѣ мира и разоруженія присоединилась таковая-же на почвѣ религіозной проповѣди и педагогическихъ вліяній.

Обращаясь къ другому философскому журналу, „Вѣрѣ и разуму“, необходимо сказать, что составъ философскихъ статей здѣсь нѣсколько менѣе разнообразенъ; но зато среди статей есть длинныя изслѣдованія, тянущіяся чрезъ весь годъ. Всѣ статьи представляютъ собою слѣдующія группы.

а) По *введенію въ философію*—статья М. Вержболовпча „Философское самообразование при посредствѣ современной намъ

философской литературы“ (т. I, стр. 451 сл.)¹⁾ б) По *истории философии* — статьи: Н. П. „Древне-греческія мистеріи“ (т. I, стр. 493 сл.), М. Краснюка „Религіозно-философское ученіе прежнихъ славянофиловъ“ (т. II, 93 сл. 174 сл.) и переводъ проф. Г. В. Малеванскаго „Избранные трактаты Плотина“ (т. II, стр. 265 сл., 303 сл., 335 сл., 394 сл.). в) По *Гносеологіи*—статья П. В. Тихомирова „Реализмъ Спенсера“ (т. II, стр. 275 сл. и 313 сл.). г) По *Метафизикѣ* — длинное изслѣдованіе проф. прот. Т. Буткевича „Философія монизма“ (весь т. I. и изъ т. II, стр. 135 сл. и 187 сл.), статья Н. Боголюбова „Основной вопросъ о міровой жизни и сущность пантеизма“ (т. I, 28 сл. 79 сл.) и проф. Г. Струве „Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія. Критическій разборъ этихъ понятій“ (т. II, стр. 349 сл., 381 сл., 423 сл., 453 сл.). д) По *Философіи религіи*: Изслѣдованіе проф. С. С. Глаголева „Естественное богопознаніе“ (т. I, стр. 246 сл., 295 сл., 355 сл., 411 сл., 473 сл. 525 сл. т. II, стр. 1 сл. 41 сл.) и статья Ив. Сперанскаго „Вл. Соловьевъ, какъ проповѣдникъ христіанскихъ идей, и отношеніе къ нему свѣтской и духовной печати“ (т. II, стр. 466 сл.); сюда-же можетъ быть отнесена *апологетическая* статья Н. Н. Страхова „Истинная наука и ложныя притязанія современной учености“ (т. II, стр. 224 сл., 241 сл., 366 сл., 435 сл.). е) По *этикѣ* — статьи: проф. Г. Струве „Современная анархія духа и ея философъ Фридрихъ Ницше“ (т. I, стр. 107 сл., 151 сл., 199 сл.), В. Лаврова „О свободѣ воли человѣка съ нравственной точки зрѣнія“ (т. I, стр. 553 сл. и т. II, стр. 21 сл.) и Волива „Критическій разборъ этическихъ воззрѣній Спенсера“ (т. II, стр. 75 сл. и 122 сл.).

Изъ этихъ статей первая, г. *Вержболовича*, указавъ на необходимость выработки болѣе или менѣе устойчиваго и чуждаго односторонностей міровоззрѣнія, старается показать, какое значеніе для этой цѣли можетъ имѣть выходящая съ 1896 г. „Избранная бібліотека современныхъ западныхъ мыслителей“ подъ довольно претенціознымъ заглавіемъ: „Въ защиту идеаловъ разума“. Отношеніе автора къ книжкамъ этой „бібліотеки“—безусловно панегирическое. Мы не имѣ-

¹⁾ Философскій отдѣлъ „Вѣры и разума“ составляетъ обыкновенно къ концу года два тома (листовъ по 35),—№№ 1—12 и 13—24. Къ каждому тому дается особое оглавленіе.

емъ надобности вдаваться въ переоцѣнку этихъ книгъ; но не можемъ не замѣтить, что для философскаго самообразованія онѣ далеко не являются единственными и, тѣмъ болѣе, лучшими пособіями.

Г. *Краснюкъ* старается выяснитъ, что „славянофильство представляетъ полное міросозерцаніе, обнимающее на основѣ религіозной идеи всѣ человѣческія отношенія“. Авторъ приглашаетъ насъ къ усвоенію и дальнѣйшей разработкѣ этого ученія. Хотя его отношеніе къ своему предмету далеко не безпристрастно и не чуждо многихъ преувеличеній и натяжекъ, тѣмъ не менѣе въ общемъ статья производитъ пріятное впечатлѣніе тѣмъ, что обнаруживаетъ въ авторѣ несомнѣнное знакомство съ дѣломъ и почти полное отсутствіе воинственно-обличительнаго элемента по отношенію къ современности. А заключительный выводъ автора можно признатъ въ извѣстномъ смыслѣ и исполнѣ справедливымъ: „пусть, говоритъ онъ, космополиты мечтаютъ о будущемъ отдаленномъ сліяніи всѣхъ племенъ и національностей въ одну человѣческую семью, пусть этому суждено когда-нибудь и исполниться, но до тѣхъ поръ, и даже для этой самой цѣли—если-бъ такова была, въ самомъ дѣлѣ, конечная цѣль людскаго бытія—необходимо каждому народу переработать всѣ соки своей жизни, извлечь изъ нея всѣ силы, весь смыслъ, всѣ качества и дары, какими онъ надѣленъ, и принести эти національные дары въ общечеловѣческій капиталъ! Чѣмъ сильнѣе русскій народъ, тѣмъ богаче будетъ этотъ вкладъ. и тѣмъ глубже и замѣтнѣе будетъ та черта, которую онъ прибавитъ къ всемірному образу человѣческаго бытія“. Этотъ выводъ, повторяемъ, мы находимъ исполнѣ справедливымъ, какъ призывъ къ самостоятельной и независимой умственной работѣ. *Рабское стремленіе къ какимъ-либо образцамъ всегда создаетъ умственные уродства. Мы должны брать изъ сокровищницы западнаго просвѣщенія все, что только она можетъ дать, но мы не должны оставаться въ положеніи вѣчныхъ учениковъ. Но этотъ-же самый призывъ г. Краснюка легко можетъ быть понятъ и въ дурномъ смыслѣ, какъ призывъ къ самобытничанью,—къ искусственному и намѣренному воплощенію въ своемъ міровозрѣніи и въ своей жизни какого-то quasi-православно-русскаго типа. Это тѣмъ легче можетъ случиться, что и сами славянофилы, восхваляемые*

авторомъ, не чужды были такого „сотворенія себѣ кумира“. Подобному призыву мы, разумѣется, одобренія дать не можемъ, потому что не признаемъ, чтобы уже существовалъ какой-то специфическій типъ православно-русской философіи. Національныя особенности русской философіи скажутся *сами собою*, и въ чемъ онѣ состоятъ, этого, конечно, и мы не знаемъ, и славянофилы не знали; это въ состояніи будетъ опредѣлить только позднѣйшій, будущій историкъ русскаго просвѣщенія. А наше дѣло—только пользоваться добросовѣстно и независимо своими силами для отысканія истины.

Нельзя не привѣтствовать предпринятой проф. *Малеванскимъ* переводъ избранныхъ трактатовъ Плотина. За представителями русской философіи давно уже считается долгъ предъ русскимъ просвѣщеніемъ,—въ томъ, что классики философіи, древней и новой, доселѣ еще не переведены на русскій языкъ. Въ частности, переводъ Плотина тѣмъ необходимѣе, что въ немъ заинтересованы кромѣ философовъ и богословы. Первохристіанскіе отцы и учителя церкви въ значительной степени стояли подѣ вліяніемъ неплатонической философіи. Относительно качества самаго перевода мы въ настоящемъ случаѣ говорить не можемъ, потому что это далеко-бы вывело насъ за предѣлы краткаго журнальнаго обзорѣнія.

Обширное изслѣдованіе проф. *Буткевича* посвящено критическому разбору книги Геккеля: „Die Welträthsel. Gemeinverständliche Studien über monistische Philosophie“. Сущность міровоззрѣнія Геккеля авторъ резюмируетъ слѣдующимъ образомъ: „имъ отрицается бытіе Божіе и Промыслъ, весь духовный міръ, бытіе души, какъ особаго нематеріальнаго существа, самостоятельность психическихъ явленій, безсмертіе человѣка, свобода воли, различіе между добромъ и зломъ, отвѣтственность за грѣхъ и вообще за поведеніе человѣка; въ основаніи всей міровой жизни, по ученію Геккеля, лежитъ какая-то универсальная субстанція съ ея вѣчными атрибутами—матеріей и энергіею; міръ существуетъ отъ вѣчности; организмы произошли изъ неорганической природы посредствомъ произвольнаго самозарожденія, вслѣдствіе чего не признается существеннаго различія между неорганическою природою и организмомъ; болѣе сложные организмы произошли будто-бы изъ низшихъ и простыхъ по рецепту Дарвина; человѣкъ произошелъ отъ обезьяны и ничѣмъ—ни

мышленіемъ, ни даромъ слова отъ нея не отличается; его религія есть дѣло намѣреннаго или ненамѣреннаго обмана, а худшая и для человѣчества вреднѣйшая изъ всѣхъ религій—христіанство; міръ существуетъ и будетъ существовать вѣчно, но самъ Геккель не знаетъ,—зачѣмъ и для кого; онъ есть слѣпое, безотчетное, безпричинное и безцѣльное (нецѣлесообразное) дѣло слѣпой и неразумной субстанціи, а его жизнь, поистинѣ, какая-то пустая и глупая шутка“. Окончательную оцѣнку этого міровоззрѣнія мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ автора: „все вообще міровоззрѣніе Геккеля, по содержанию своему, не представляетъ ничего новаго и ничего оригинальнаго; Геккелю принадлежитъ только изложеніе чужихъ мыслей и чужихъ выводовъ: слово *субстанція* имъ взято для чего-то у Спинозы, а въ остальномъ его ученіе представляетъ пеструю смѣсь грубаго матеріализма, дарвинизма и эволюціонизма; факты и выводы естествознанія, которыми Геккель хотѣлъ-бы подкрѣпить матеріалистическія и дарвинистическія положенія, также заимствованы имъ у различныхъ ученыхъ. Характеристическими особенностями, принадлежащими собственно Геккелю, нужно признать: эксцентричность, неспособность къ строго логическому и послѣдовательному мышленію, невѣжество относительно многихъ областей знанія, которыя онъ однако-же подвергаетъ своему сужденію, легкомысліе и упорство въ защищеніи явно несостоятельныхъ теорій“. Въ этомъ общемъ приговорѣ о Геккелѣ, а равно и въ различныхъ деталяхъ самой критики, почтенный о. протоіерей высказалъ много справедливаго. Если-же онъ, кое-гдѣ поддаваясь апологетическому увлеченію, и сгустилъ нѣсколько краски, то мы, во всякомъ случаѣ, не находимъ этого важнымъ, и вообще такъ или иначе брать подъ свою защиту Геккеля считаемъ излишнимъ, потому что рѣшительно не признаемъ, чтобы онъ имѣлъ сколько-нибудь серьезное значеніе въ исторіи философской мысли новѣйшаго времени: справедливо говоритъ Фалькенбергъ о Геккелѣ и всей группѣ близкихъ къ нему мыслителей, что „до сихъ поръ тутъ больше было мужества и шума, чѣмъ успѣха“ (Ист. нов. фил., рус. пер. 1 изд. стр. 543).

Весьма цѣнною работой надо признать статью проф. *Струве* о матеріи, духѣ и энергіи, какъ началахъ объективнаго бытія. Критическій разборъ этихъ понятій обнимаетъ у автора

три слѣдующіе момента: „1) ихъ *историческое развитіе*, указывающее на то, какъ возникло ихъ содержаніе съ первыхъ началъ по настоящее время;—2) объясненіе ихъ *психологическаго генезиса*, слѣдовательно, опредѣленіе тѣхъ фактическихъ данныхъ нашего ума, которымъ изслѣдуемая понятія обязаны своимъ существованіемъ;—3) разборъ *познавательнаго* примѣненія, или *метафизическаго* значенія изслѣдуемыхъ понятій, т. е. объясненіе то ихъ методологическаго значенія, какъ пособія при разрѣшеніи извѣстныхъ познавательныхъ проблемъ, то ихъ *объективнаго, предметнаго* значенія, какъ отвѣтъ на вопросъ: заключаютъ-ли они въ себѣ содержаніе, которое слѣдуетъ признать существующимъ въ самомъ *бытіи*, независимо отъ нашей мысли, или нѣтъ?“ Общая мысль всего изслѣдованія—та, что изъ разсматриваемыхъ понятій понятіе объ энергіи имѣетъ основное значеніе и служитъ исходною точкой для объясненія, въ послѣдней инстанціи, всѣхъ явленій въ области духа и матеріи. Проф. Струве извѣстенъ, какъ авторъ солидныхъ философскихъ работъ (нѣкоторыя даже на иностранныхъ языкахъ), сторонникъ доктрины т. н. идеаль-реализма. Настоящая его работа отличается всѣми обычными для автора достоинствами.

Статьею проф. Струве мы и закончимъ обзоръ „Вѣры и разума“.

Окончивши обзоръ нашихъ философскихъ журналовъ за прошлый годъ, мы должны сказать, что они даютъ читателямъ матеріалъ весьма разнообразный, достаточно доступный и очень интересный. Со стороны научной основательности большинство статей не можетъ быть въ чемъ-либо упрекнуто, что, впрочемъ, совершенно понятно, такъ-какъ сотрудниками состоятъ большею частью профессора высшихъ учебныхъ заведеній. Какую-либо общую тенденцію, позволяющую судить о физиономіи всей русской философіи, въ этомъ разнообразіи статей открыть трудно. Отчасти лишь,—и то съ большими оговорками,—можно отмѣтить, что большинство авторовъ сильнѣе тяготеютъ къ идеалистическому и спиритуалистическому міровоззрѣнію, чѣмъ къ противоположнымъ типамъ мысли. Но, повторяемъ, это—лишь въ высшей степени приблизительное и условное обобщеніе.

П. Тихомировъ.